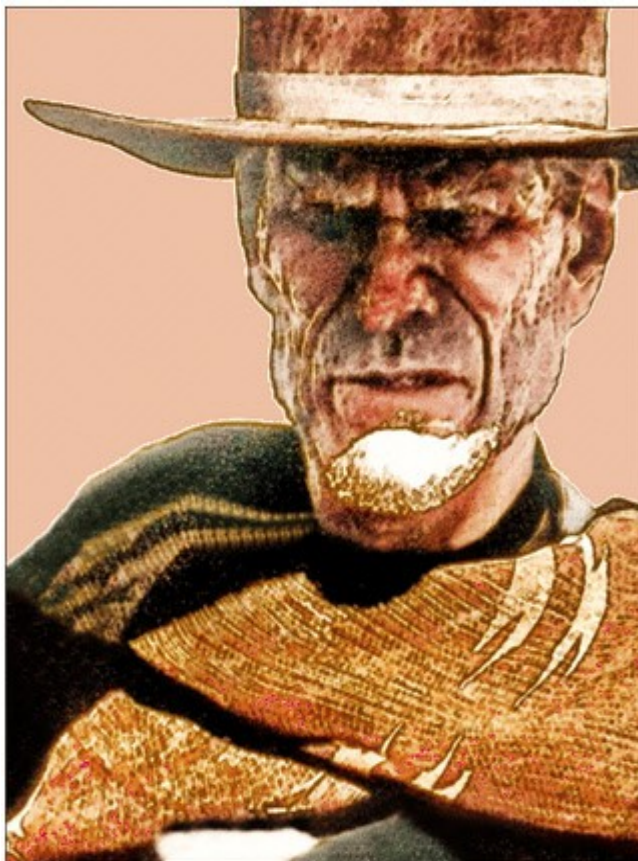

Видение Степана или безумная хава нагила

Свами Ранинанда

Picture by Swami Runinanda. «Stepan Sergeev in the poncho»

П О В Е С Т Ь

«Ни один народ не смог бы выжить, не производя оценки — что есть добро и что есть зло; чтобы сохраниться, должен он оценивать иначе, нежели сосед его. Многое, что у одного народа называется добром, у другого слывет позором и поношением... Многое из того, что здесь именуется злом, там облекалось в пурпур почестей». Ницше Ф.

*«**Хава нагила**» — еврейская песня, написанная в 1918 году собирателем фольклора Авраамом Цви Идельсоном на старинную хасидскую мелодию. Автор музыки неизвестен, однако считается, что она была написана неизвестным клезмером из Восточной Европы не ранее середины XIX века. Название буквально означает «Давайте радоваться». Эта песня исполняется на праздниках и пользуется особой популярностью у евреев. Популярность песни такова, что многие считают её народной. В поп культуре эта мелодия используется, как метоним «иудей».

Некоторые утверждают что песня была сочинена для того, чтобы отметить вход английских войск в Иерусалим в 1917 году, из-за которого поднялась радость среди евреев (так как некоторые считали это предвестием прихода Мессии и возврата на Святую землю). В 1918 году эта песня в исполнении трёх известных канторов была записана на граммофон. Утверждается также, что это была первая запись песни на иврите в Израиле. В течение века ритм несколько раз менялся, и современный вариант несколько отличен от оригинала. http://http://ru.wikipedia.org/wiki/Хава_нагила

Степан проснулся от боли в опухшем правом бедре и в локте правой руки. Лежа в утренней постели стал вспоминать события вчерашнего дня, неординарный разворот которых поразило бы воображение, даже самых бывалых, повидавших на своем веку...

Тем не менее, эти невероятные события произошли, именно с ним очень миролюбивым и добродушным человеком, и не дома в России в Подмосковье, где он проживал в маленьком районном центре. Это произошло в «черную» для него пятницу в гостях у его дочери Веры, которая уже лет 7-ть как репатриировалась и проживала со своей семьей в Израиле, после смерти его жены Клары от быстротекущего рака. Его жена была добродушным и покладистым человеком, по национальности чистокровной еврейкой и всю жизнь проработала педиатром в районной поликлинике. Степан познакомился с ней в молодости, во времена своего студенчества на совместном вечере строительного и медицинского институтов. Значительно позднее, в период поспешного переезда в Израиль дочери с семьей, после скоропостижной смерти жены Степан в конце «расклеился» и его ударил обширный инфаркт. Благо, что в этом же городке поблизости проживал его женатый старший сын Михаил, по образованию юрист с своей семьей. Именно он и его жена помогли ему выкарабкаться, после успешно проведенной операции на сердце и курса лечебной реабилитации. Он быстро и легко пошел на поправку, ибо от природы обладал не дюжей силой и крепким здоровьем, переданным ему по наследственной линии от его предков, которые были долгожителями.

Степан родился после войны и был желанным ребенком в семье кадрового офицера, а впоследствии чиновника райисполкома и учительницы. Степан от природы был высоким под метр восемьдесят с косой саженью в плечах, поэтому в 19-ть был призван на службу в десантные войска, а позднее ввиду успешного усвоения приёмов восточных единоборств был переведен в только что организованное подразделение особого назначения, где и получил креповый берет. После службы в армии окончил Строительный институт и последующую жизнь проработав прорабом на стройке. Но года пролетели быстро, как перелётные птицы, дети выросли и нарожали внуков, Степан вышел на пенсию и свободное время проводил с внуками, только его жизнь омрачало отсутствие рядом с ним любимой им по прежнему усопшей жены. Теперь душу Степана согревали только воспоминания...

Память возвращала Степана к невероятным событиям вчерашнего дня, пятницы, оставшихся полутора недель до окончания его гостевого отдыха на Святой земле. Эта

земля во внутреннем мире Степана, а не люди ныне заселявшие её, была Святой. Тогда после тяжелой и неожиданно обрушившейся на него болезни, несколько лет назад стал чаще обращаться к своей исконной православной вере, ибо в младенчестве был тайно крещен своими родителями, членам КПСС, верным идеям коммунизма, в победу которого верили беззаветно и преданно до исступления. Именно в тот тяжелый период его жизни, религия помогла ему осознать себя, своё место в жизни и справиться с тяготами связанными с неожиданной и тяжелой болезнью.

Вчера, Степан проснувшись в хорошем настроении, день был солнечный и ясный и предвещал ничего ничего недоброго. Квартиру его дочь купила по ипотеке, и практически по расчетам выплачивать по ипотеке ей предстояло в течении ближайших 35 лет. Банк хитро продумал, поставив такие условия выплат процентов от процентов, что практически выплата по ипотеке была пожизненным экономическим рабством, подписавшихся под неё, но другого выхода из положения не существовало. Вернее выход из этого положения существовал, но только для очень и очень богатых, способных выкупить жильё сразу и наличными.

Вера до выезда в Израиль, работала бухгалтером, имела высшее экономическое образование, но здесь же в Израиле зарабатывала свой хлеб насущный тяжелым физическим трудом — уборкой офисных помещений. В тот день рано утром ушла на работу, её муж Эдуард, тоже ушел с утра на работу. Он работал в службе безопасности, в охране одного из отделений известной торговой сети. До выезда в Израиль Эдуард проработал несколько лет в одном из научно-исследовательских институтов научным сотрудником. Но, то ли намеренно и, то ли естественным путем российская «наука» планомерно уничтожалась, и даже нашлись «доброхоты», чинуши высших рангов, не без их помощи. Живя только с одной мыслью, прибрать к своим рукам её обширную недвижимость, перешедшую по наследству от времён СССР. Все ельцинские и гайдаровские «реформы», в итоге привели к сокращениям и регулярным не выплатам зарплат. И как следствие, к сокращениям штатных единиц сотрудников, что вынудило его найти себе другую работу, своевременно уйти преподавать в школу учителем химии.

Выйдя из квартиры в подъезд он увидел женщину израильтянку лет 52 проживающую 2-мя этажами выше, которая остервенело лила на лестницу воду с мыльным раствором сбрасывая её шваброй с полосой резины по всей длине, но Степану даже не пришло в голову, что разливаемая ею вода невероятно скользкая из-за мыла в ней.

Его планы на текущий день в его воображении бежали впереди него, и он не имел никакого понятия о всех ожидающих событиях, которые произойдут с ним буквально через несколько секунд, охарактеризовав строптивый и коварный нрав чрезмерно высокомерного и немного безумного народа...

Её глаза были полны злобы и словно два диких зверя впились в нательный православный крестик на шее Степана, её взгляд и желтое желчное лицо отражало омерзение и презрение к его чисто славянскому облику богатыря. Степан был уже наслышан, что евреи в Израиле ненавидят кресты и православных верующих, и называют Иисуса Христа шарлатаном и мамзером (мамзер — это, согласно еврейской традиции, ребёнок, родившийся у еврейской женщины в результате запрещенной непосредственным указанием Торы связи, за которую полагается суровое наказание, например, в результате инцеста или у замужней женщины в результате адюльтера), не принимая Иисуса, не только как мессию православных верующих, но и как

вообще учителя, основавшего революционное учение, святого и пророка.

Спускаясь по лестничному маршу Степан неожиданно охнув стал стремительно вытанцовывать движения похожие на движения танца, скользя вниз с ступеньки на ступеньку размахивая руками и пытаясь ухватиться, хоть что-нибудь.

Безумная «хава нагила» продолжалась несколько коротких секунд, и не найдя твердой и прочной точки опоры Степан смачно грохнулся на мокрые ступеньки всей своей массой более 90 кг, «пятой точкой» подпрыгивая по скользким ступеням вниз, словно мячик, ударяясь о каждую последующую. Боль буквально оглушила его, введя в шоковое состояние стремительно, скорее всего неожиданностью. Дикая боль пронзила спину, бедро и локоть, который частично смягчил удар об ступени. Чувство досады от нет неожиданного удара смешалось невероятной болью, он услышал поспешные шаги убегающей маромойки израильянки, по видимому, слыша громкие звуки падения Степана, она испугавшись побежала вверх к себе в квартиру боясь панически гнева Степана. Но ему было не до этого, он с трудом мог идти, его правая рука свисала от удара словно плеть. С трудом встав со ступеней Степан, со стонами ковыляя отправился обратно в квартиру. Досада словно стрела пронзила его и он завопил на весь подъезд: — «Уроды проклятые, какого хрена разлили повсюду мыльную воду!»

Входя в квартиру продолжал кричать, повторяя: — «Нечисть поганая, ироды, уроды проклятые!». Его возмущенные крики частично его обезболили, но двигался он большим трудом прихрамывая на правую ногу. Зайдя обратно в квартиру он запомнил закрыть входную дверь и оставил её приоткрытой. Продолжая стонать от боли, он не знал что делать дальше, но боль не утихала, а ещё более усилилась. Он почувствовал, как начинает набухать место удара прямо на глазах, при этом набирало тяжесть его правое бедро.

Вдруг, как чёрт из табакерки появилась выше на одну ступень молодая, но рыхлым телом девушка и начала ему говорить что-то на иврите. Он пряталась за ограждением и вертикальной стойкой трубой. Степан иврита практически не знал, он не знал и того, что эта девушка служит в Армии Обороны Израиля, а в данное время освобождена от ношения формы и проходит один из курсов обучения подразделения Моссад. Он интуитивно почувствовал, что это дочка, именно той пожилой женщины с желчным лицом, которая заливала лестницу, столь обильно, что на протяжении всех лестничного маршей сверху и до низу лилась мыльная вода, словно библейский потоп.

По его соображению, простого прораба, и согласно здравого смысла, ему казалось, что она явилась приносить извинения за свою мать, от действий которой пострадал Степан. Но, не там то было!

Спустившаяся, как приведение молодая тёлка была совершенно спокойна и знаками рукой дала знать, чтобы он подошел ближе. Она показывала всем своим независимым видом, что абсолютно не чувствует ни за что чувства вины, и громко сказала возмущенно Степану на чистом иврите: — «Ты, придурок старый, чего раскричался без толку, только понимаешь шум и беспокоишь своими криками соседей!». Но Степан ничего не понял из её слов, возможно как к счастью, а может к несчастью, так как практически не знал иврита, кроме пару расхожих фраз, типа «здравствуйте» и «как дела?».

Степан медленно подковылял к ней, но не подозревая, что это его основная и фатальная промашка, пара шагов от двери квартиры, которые обойдутся ему большой ценой. Приблизившись к молодой нахалке не более, чем на расстояние вытянутой руки, и ухватившись за стойку левой рукой прокричал, — «Ну что ещё?! Леха ва

****а мата!» (этому сочетанию слов, накануне его научил сосед из соседнего дома), — попытавшись приподнять для характерного жеста покалеченную руку вверх. В этот момент молодая дама не задумываясь и очень быстро вытянув правую руку из-за спины обильно забрызгала, залив все лицо, глаза и открытый рот Степана из большого черного баллончика перцовым газом, который чуть позднее парализует всё его тело и конечности на три часа (а такой разворот событий, в воображении Степана никак не мог уложиться). Его беспечная доверчивость во всех жизненных позициях при общении с совершенно незнакомыми людьми в подъезде дома, тут и подвела его. В этом неординарном событии, где заранее продуманной целью бездушной каверзы юной, рыхлой мossaдовки было, застать врасплох и максимально нанести вред. Все её коварные и подло спланированные поступки, в её короткой, в тоже время ничтожной жизни, были её естественной природной сутью, — сутью той семьи, государства которые её воспитывали в духе русофобии и человеконенавистничества в течении всех предыдущих лет. Это была привычная хамоватая сущностная семантика языка сионизма, в практической реализации.

** Термин «**семантика**» образован от греческого корня, связанного с идеей «обозначения» (ср. *semantikos* «обозначающий»). Семитизм не рассматривает реверс данных отношений в отношении не евреев, что дает ему, в течении всего времени его существования весомое и неоспоримое преимущество, семантически занимая особое место, как разновидность расизма.

Степан все это было не понятно, он никак не мог с налёту осознать всех этих тонкостей врожденной подлости, ибо рос, мужал и воспитывался в семье настоящих коммунистов, в социалистическом обществе, где рьяно и неуклонно ему прививалось чувство интернационализма и уважения к любому человеку в не зависимости от национальности, расы и цвета кожи.

Получив изрядную порцию газа в лицо, Степан взвыл от дикой и резкой боли в газах, словно потревоженный охотником дикий медведь. Частицы газа стали впиваться, в кожу его лица, в гортань и глаза. Все вокруг поплыло вокруг него, он перестал различать вокруг себя окружающие предметы.

Степан быстро насколько смог помчался на ощупь в ванную к воде пытаясь промыть глаза. Промывание водой практически не помогло, ибо изобретательность разработчиков этого «не летального» спец средства не знала пределов и была невероятно изощренной. При его разработке они сумели предусмотреть главнейшее условие, чтобы газ при распылении на слизистые оболочки человека, никаким образом не мог смываться водой.

Степан не знал, и не мог никак предположить, что младшая на год сестра, атаковавшей его юной нахалки, в данное время тоже проходящая срок своей службы в одном из подразделений ШАБАСа (службы тюремного надзора) принесла баллончик этого газа из тюрьмы. Ко всему этому, у неё были «особенные» отношения со своим начальником, что естественно, предусматривало особое снисходительной отношение к ней и ко всем её проделкам. Не знал Степан, что именно её звонок к своему непосредственному начальнику тюрьмы, сыграет решающую роль в развитии дальнейших событий, далеко не в его сторону.

Степан понятия не имел и естественно ничего не знал, что очень и очень давно его отец в рядах регулярной советской армии освобождал от гитлеровского плена из концентрационного лагеря смерти Аушвиц Бернау, который был известен, как Освенцим дедушку этих девушек солдаток по материнской линии, задолго до того,

как они родились. По юному своему возрасту, они годились во внуки Степану, но не имели надлежащего воспитания, предусматривающего уважать пожилых и людей значительно старше по возрасту. Превращенные в убожество идеологической машиной сионизма, которая вбивала им в головы, и в головы других многих молодых людей с раннего детства идею об «особой» роли «богоизбранного» народа в истории человечества, неотъемлемой частью которого они являлись. И этот факт, был их большой проблемой в ближайшем и обозримом будущем, с которым они себя позиционировали.

Их дедушка был родом из Румынии по фамильной линии Декель. Эта фамилия также распространена, как примерно фамилия Иванов или Петров в России. Владелец именно этой фамилии «прославился» успешной деятельностью в Департаменте безопасности Румынии Секуритате, где он занимался, поиском и ликвидациями врагов социализма, несогласных с режимом кровавого Чаушеску.

*** **Секуритате** (рум. Securitate — «безопасность»), официальное название Департамент государственной безопасности (рум. Departamentul Securității Statului) — орган исполнительной власти в Социалистической Республике Румыния, сочетавший функции спецслужбы и политической полиции. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Секуритате>

В последствии, репатриировавшись старший Декель в Израиль, стал работать в известном своими операциями по всему миру Моссаде, и там также отличился в операциях по поиску и ликвидации после войны фашистов и нацистов германского рейха разных рангов, повинных в уничтожении евреев. Подтвердив лишний раз прописную истину, бывших сотрудников Секуритате — не бывает!

Именно из них, а не из конторских «крыс» Секуритате формировался основной костяк оперативников Моссада тех времен, тогда он был сформирован из людей безжалостных, порой чрезмерно жестоких засветившихся на бесконечной череде ликвидаций. Там всегда ценились люди безоговорочно выполняющие приказы, а особенно имеющие опыт ликвидаторов, именно такие, как дед семьи Декель (в настоящее время, людей такого типа, называют простым и звучным словом — киллер).

*** **Моссад** (ивр. ха-Мосад ле-модин у-ль-тафкидим меюхадим — «Ведомство разведки и специальных задач») — политическая разведка Израиля, по своему назначению и функциям сравнимая с американским ЦРУ.

На эмблеме организации изображена менора, являющаяся гербом Государства Израиль, и девиз: «При недостатке попечения падает народ, а при многих советниках благоденствует» (Прит.11:14). Вместе с этим, до недавнего времени девизом «Моссад» был другой стих из той же книги: «Поэтому с обдуманностью веди войну твою» (Прит.24:6). Главный офис организации находится в Тель-Авиве на бульваре Шауль Ха-Мелех. Основные оперативные подразделения с 1989 года размещаются в пригородах Тель-Авива. Количество занятых штатных кадров в центральном офисе предположительно достигает 1400 человек. При этом набор внештатных не ограничивается никакими установленными нормативами и практически неограничен. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Моссад>

Пока Степан, тщетно пытался с помощью воды и примочек из салфеток унять режущую боль в глазах, его слизистые оболочки носоглотки начали опухать и его дыхание стало затрудняться, он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он стал

задышаться, его сердце застучало в его груди очень и очень быстро, словно пытаясь вырваться наружу. Степан начал терять силы, нервно-паралитическая составляющая газа, предназначенного для применения в тюрьмах начала действовать. Руки и ноги Степана потеряли силу, он уже был не в состоянии держаться на ногах, и он повалился на ковер в салоне, только успев позвать последним криком, похожим на бульканье 16-летнего внука Даниеля, далее он уже почти ничего не помнил, словно в пелене.

Словно сквозь пелену сознания услышал, как внук вызвал амбуланс и два пожилых санитара израильтянина в белых рубашках и оранжевых жилетах подхватив подмышки волокут его в машину скорой помощи. На воздухе снаружи к нему стало возвращаться сознание, хотя боли немного утихомирились, сил в руках и ногах не было.

Уже в салоне машины, когда его уложили на кушетку, один из коронеров спросил у другого на иврите:

— «Понюхай его, а по случаю не пьян ли он?»

— «Нет не пьян!», ответил другой.

— «Тогда надень ему кислородную маску, а то ему похоже ещё не хватает воздуха, я слышу его одышку!», - отпаривал тот, что был за рулем и стремительно помчал машину скорой в бейт холим (больницу). Внук Степана сопровождающий и сидевший рядом с водителем, начал поспешно названивать маме, коротко сообщив о случившемся ЧП.

Но Степан не знал, что пока он терял сознание и его увозил для оказания экстренной помощи амбуланс в больницу, в это время, та рыхлая и молодая еврейка, которая атаковала его, без на то причины газом, как правило применяемым в тюрьмах, уже успела дозвониться в полицию сообщить в устном заявлении, что на неё напал какой-то «русский» в подъезде дома, и по этой причине она вынуждена была применить газ, оправдывая свой бездумный и не обоснованный ни по каким соображениям поступок. Приехавший наряд полиции приехал скоро, и перво наперво, отправился арестовывать для допроса Степана, ибо по их разумению, он совершил нападение на военнослужащую Армии Обороны Израиля, что расценивается в Израиле, как теракт. И так, не гадая, не ведая и не зная изворотов юриспруденции Степан стал террористом! Но это был наглый и бессовестный поклеп на Степана. У его на протяжении в всей жизни было «золотое» непреложное правило, - никогда, и ни при каких обстоятельствах не поднимать руку на женщину.

Полицейский с 4-х дневной щетиной в черной и новой форме постучал в квартиру возле которой развернулись события, создавшие прецедент атаки военнослужащей переносным газом, инвалида 1-й группы пенсионера и гражданина другого государства, которого пытаются обвинить в терроризме!

Дверь открыла Вера, она уже примчалась с работы, чтобы вновь уехать в приемный покой больницы для помощи Степану. Не входя в квартиру полицейский нагло и безапелляционно спросил:

— «Где ваш отец, я хочу допросить его!»

— «Его нет дома, так как его 15 минут назад увез амбуланс в бейт холим», - ответила Вера, - она, продолжала верить, что в Израиле есть закон и законность.

Не слушая её доводов полицейский начал поспешно досматривать все комнаты 4-х комнатной квартиры. Попутно спросив: — «Где его вещи?» В надежде найти в закоулках квартиры или в шкафу спрятавшего от страха Степана, так его учили в академии, свой мозг у него уже не работал, он был послушным и безропотным, не

соображающим самостоятельно винтиком в гигантской машине сионизма. В машине которая везде и повсюду, по всему миру искала, ищет, и будет искать происки антисемитов и акты антисемитизма. Ища мелочно и придиричливо причины своих бед и несчастий не в самой себе, а в окружающем её противоречивом мире, в его явлениях, в событиях и людях.

Дочь Степана молча показала тумбочку на которой стоял пустой стакан, из которого наемни Степан запивал водой лекарства. Полицейский, следуя инстинкту профессиональной ищейки начал старательно обнюхивать его, пытая уловить хоть какой запах спиртного,... но от стакана Степана не было никакого запаха, и даже намёка на запах алкоголя!

Ему не раз объясняли преподаватели в полицейской академии, что «русские» репатрианты, как правило пьяницы и дебоширы. В прессе и на ТВ Израйля систематически твердили тоже самое. У него в голове, словно большой и ржавый гвоздь застряли эти слова, наполненные русофобией и неприятием тех, кто был сообразительнее и значительно умнее его и других высокопоставленных чиновников озвучивающих систематически и не раз в массмедиа подобный бред, в угоду своих соплеменников.

Степан лежал распластавшись на койке приёмного покоя, его внук стоял рядом и переводил на иврит всё, что спрашивал дежурный врач. Боль от удара о бетон лестницы не утихал, но на смену внуку, приехала его дочь, которая старалась не проговориться о версии полиции о том что Степан совершил теракт.

Спустя 20 минут Степану промыли лицо и глаза специальным раствором от ожогов, рези в глазах и на коже лица, сразу же прекратилась, но обезболить боль от удара пятой точкой никто не собирался, — это была безмолвная месть медперсонала приемного покоя, ибо слух что он совершил теракт медленно, словно беззвучная змея гюрза расплзся по приемному покою. На Степана, все косились, как на прокаженного, но израильским арабам находящимся там же, была хорошо знакома подобная ситуация. Почерк семантики сионизма нельзя было перепутать с чем либо другим.

Тишину приемного покоя нарушил топот двух полицейских молодого мужчины с женщиной в форме полиции, это и был тот самый наряд полиции, который обыскивал квартиру его дочери, ища «улики преступления». Увидев их издалека, Степану сразу вспомнился голливудский фильм его молодости «Новые центурионы», где справедливые полицейские сражаются с преступностью на улицах Америки, и у него с губ слетела произвольная тихая фраза: — «Красота!», Степан криво улыбнулся.

Они внешне выглядели очень красиво в новой и отутюженной черной с блестящими знаками отличия форме, но в их глазах не было осмысленности, в них была непреклонная пустота службистов.

Молодая женщина, в форме остановилась поодаль и стала нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, гордо и напыщенно вскидывая голову, время от времени встряхивая пышные волосы, основание её правой ладони руки притрагивалось к рукоятке пистолета короткого нагана в кобуре, чуть ниже пояса, словно она позировала на съемке фильма про бравых полицейских перед кинокамерой на съемочной площадке. Она чрезмерно сильно вошла в свою роль, в этом акте самолюбования, понимая что все внимание окружающих сосредоточено на ней. Этот акт самолюбования был, словно некий загадочный религиозный ритуал большой и нескончаемой любви себя, гимн возвеличивания своего Эго.

Вера отошла к другому полицейскому отойдя от отца, корчившего от боли на кровати, и о чём то с ними начала тихо говорить, затем вернувшись к Степану спросила:

— «Полицейский спрашивает, может ли тебе задать несколько вопросов?

— «Нет, это не возможно, так как я не в состоянии даже сидеть на койке, из-за слабости во всех мышцах тела и боли. Я не знаю почему, но не в состоянии управлять своим телом!», - до Степана в пылу случившегося с ним ещё не дошло, что перцовый газ, помимо всего прочего, обладал мощным нервно-паралитическим действием.

— «И как понимаю, меня хотят допросить, или я ничего не понимаю?», — вопросительно промолвил Степан.

— «Он спрашивает можешь ли ты, папа приехать в полицейский участок по возвращению из приемного покоя. И ещё сказал, что слабость и выворачивание и не управляемость мышц тела прекратится ровно через 3 часа — это срок действия этого газа», — спросила, и тут же сообщила Вера. Применение нервно-паралитического газа было в этих краях было обыденностью, и никого вокруг Степана, кроме его никого не удивляло.

— «Сегодня нет, это просто какое-то сумасшествие, почему такая срочность?!»

Вера отойдя, перевела на иврит, слова Степана, вернувшись сказала:

— «Тогда завтра ты обязан приехать в миштару для написания заявления по поводу случившегося», - Вера не стала вдаваться в подробности в объяснении, обвинений соседской молодой паршивки в нападении на неё.

— «Хорошо!», - тихо бросил Степан.

К концу 4-го часа времени необходимого для пребывания в приёмном покое, Степану дали выпить четыре кубика невероятно горького на вкус сиропа опалгина в пластиковом шприце, дав ему запить водой, — боли, связанные с падением Степана медленно и неотступно начали уходить. Степан вздохнул с облегчением и ему захотелось сильно спать, но он собрав последние силы смог прихрамывая и покачиваясь с помощью Веры, медленно пошел в сторону выхода из больницы. Через минут 30-45, такси привезло их домой.

На следующее утро Эдуард, муж его дочери повез Степана в миштару. Переводчиком с иврита прихватили с собой Даниеля, пригласить адвоката не было возможности, так как была суббота, не рабочий день.

Прибыв на место их проводили через лабиринты проходов в кабинет следователя. В кабинет вошли сначала Степан, а следом его внук Даниель. Помещение было небольшое, с засиженными мухами стенами, за столом сидел молодой израильтянин в закругленных металлических очках, следователь в гражданском, но поясе в короткой кобуре висел ствол. Вблизи выхода его подстраховывал молодой полицейский в черной форме в вязанной кипе и с закрученными пейсами. Вид у него был заморыша с кроткими глазенками, таких Степан, когда служил в десанте заваливал на татами одним коротким, - кулачище Степана было немного меньше головы этого клоуна в форме.

Следователь потребовал от Степана дачи показаний о случившемся прошлым днем. Возмущению и изумлению Степана израильской юриспруденцией не было предела, он оторопел от неожиданности и возразил. И туже не стал пояснять, что в данной ситуации пострадавшая сторона от действий целой семьи матери и дочери, это он, а они же вообще не пострадали.

Но предварительный звонок в миштару по этому инциденту управлявшего тюрьмой,

начальника одной из дочерей соседской семьи, о котором не подозревал Степан имел магическое действие. Это было видно по напору следователя который начал объяснять Степану, что он согласно заявления соседки, поданного вчера напал на военную Армию Обороны Израиля, поэтому она применила газ. Такого разворота дела Степан не ожидал, и до него дошло дело, что для военнослужащих Армии Израиля, вопросы чести не имеют никакого значения! Этим неожиданным разворотом событий, ему Степану был преподан хороший урок, как в Израиле стряпают дела о терроризме. Степану стало ясно почему по всему миру недолгоблудит израильтян, а иранцы, египтяне и сирийцы жгуче ненавидят сионизм, ибо он является первопричиной унижения и оскорбления чести любого простого человека не еврейской национальности.

Сионизм в ходе своей шестидесятилетней эволюции, превратился в инструмент притеснения и подавления людей не еврейской нации, их дискриминации повсеместно на всей земле, где он «по своему» заправлял.

Следователь в краткой форме пояснил Степану, что он может продиктовать под его запись свою версию случившегося. Затем долго и скрупулезно переспрашивал детали и тщательно записывая в разлинованный формуляр мелким почерком. Закончив писать, сразу же предложил Степану снять дактилоскопию пальцев рук и ладоней, а также генетический материал в виде слюны на генетическую экспертизу. Вначале Степан отказывался, но израильский мент властно пригрозил не принять ответное заявление Степана в случае отказа от этих процедур. Степан ясно и внутренне осознавал, что это явный полицейский диктат, с помощью шантажа. Раздумье Степана было коротким и длилось не более четырёх минут, Этот же следователь его сфотографировал в фас и профиль на фоне натянутого экрана.

Степан угрюмо ухмыляясь, скептически промолвил по русски: — «Ну вот так, законопослушные граждане, пополняют картотеки баз данных полиции, — теперь я мафия!» На что следователь, тут же переспросил Даниеля перевести на иврит ему слова Степана, отпаривав на иврите: — «Нет, ты не мафия!», ехидно ухмыльнувшись куда-то в сторону. Он был маленьким винтиком, но послужным этой машины, в которой добросовестно выполнял свою обычную работу, на внутренние переживания Степана, то что весь это театр унижает или тяготит, в ходе протокольных действий ему было начать.

Закончив следователь сообщил, что все свободны, и что по мере необходимости Степана вызовут.

Степан долго отмыл липкую и черную типографскую краску с ладоней рук в туалете на этом же этаже. В полиции, по видимому сэкономили на моющем геле для смывания краски после дактилоскопии, тем самым унижение всей этой процедуры доведя до полного совершенства, но рулон грубой бумаги, помог выйти из положения, бумага всё стерпит!

Евреям свойственно трезвонить по всему миру, что они живут, по заповедям пророка Моисея, но при этом везде находят лазейки для уклонения от их выполнения. Хронологически, все пророки, проживавших на территории нынешнего Израиля с античных времен были «притесняемыми», а в итоге распяты или казнены. «Неверные весы (законности) — мерзость пред Господом, но правильный вес угоден Ему» (Прит.11:1).

Сионизму, всегда было присуще животное желание уничтожить всех своих врагов, в этом «благородном» порыве, он уподобился персонажу кинофильма притчи «Убить

дракона» режиссёра Марка Захарова по мотивам пьесы Евгения Шварца «Дракон». Уничтожив «дракона» нацизма, он сам перевоплотился в «дракона», которому для его существования необходимо ежедневное жертвоприношение человеческой плоти, судеб людей, где общечеловеческие ценности давно ушли на второй план. Основатели сионизма были скромны, не алчны и не требовательны в быту, и ни каким образом не могли предугадать, в какое чудовище превратится по истечению несколько десятилетий их заветное детище!

Через полторы недели Степан вылетал из аэропорта Бен-Гурион, провожала его семья дочери в полном сборе. На сердце у Степана было тяжело, внутренне подспудно он чувствовал, что вот так близко возле себя свою дочь и внуков больше никогда не больше, его впечатления от отдыха ушли коту под хвост. Вера извинялась за испорченный отдых тысячу раз.

— «Всё, в этот гадючник, я больше не ходок, теперь вас жду в гости у себя в Подмоскovie», выдохнул он. Рядом кто то из провожающих, промолвил: — «Сегодня в Иерусалиме снова теракт, по радио сообщили». На что улыбнувшись, Степан спокойно выпалил: — «Сюда бы две роты нашей десантуры, быстро бы привели в порядок и прекратили эту бесконечную бойню!», - имея ввиду израильско-палестинский конфликт.

В его душе возмущение несправедливостью полиции Израиля уже перегорело, и он отлично понимал, что горбатого, могила исправит, а идея об особенной «избранности» еврейского народа, всего на всего, лишь безумная химера. Равно, как и химера избранности немецкого народа внедряемая в мозги в 30-е годы прошлого века, и в конце концов приведшая к краху нацизма.

Удобно усевшись в кресло самолета, Степан стал вспоминать, яркие воспоминания постепенно всплывали из глубины его памяти. В них он увидел свою покойную жену, как они познакомились и встречались. Это были воспоминания наполненные добротой и заботливостью Клары, счастливые, но прошедшие дни его жизни, он с печалью подумал: — «Такое, уже больше никогда не повторится».

По прилету в аэропорт Домодедово его встречал на своей машине сын.

Прошло ровно 2 недели, как Степан возвратился домой, он сидел возле своего дома на лавочке. Неожиданно заходящее солнце спряталось за тучами и накрапывал мелкий дождик. Но Степану дождь, было нипочем, на нём было одето перуанское пончо и перуанская фетровая шляпа. Это был подарок подданного государства Перу Хуана, куратора делегации по обмену опыта строительства небоскребов, ещё со времен, когда Степан работал прорабом. Вдруг раздался звонок мобильного телефона из кармана брюк Степана, звонила его дочь Вера из Израиля и радостно сообщила, что «его дело» миштара, полиция закрыла. Мотивация закрытия расследования была простой и скользкой, дословно «за не имением достаточных улик и свидетелей». Но гематома Степана на «пятой точке» ещё не полностью рассосалась и зловеще ныла, окантованная желтизной. Он коротко поинтересовался, как у них дела, получив ответ, что всё нормально, закончив разговор положил мобильник обратно в карман. Начинало смеркаться, и Степан отправился домой, смотреть телевизор не было никакого желания, не включая света сел в кресло, воспоминания близких ему людей всплывали и смешивались с образами тех святых православных мест, которые он посетил. У него было состояние, похожее на дремоту, но это был не сон. Напротив на стене медленно проявились три силуэта до потолка, окантованных золотистым

светом, особенно сильно усиливающимся над их головами, на уровне мысли голос одного из них, промолвив Степану: — «Много приглашенных, но мало избранных! Ты, Степан — избранный, чтобы быть посвященным!» Следом, как на экране кинотеатра, а стене проявились знакомые Степану силуэты небоскребов центра Тель-Авива, цветущие деревья и прогуливающиеся люди, и вдруг... яркая вспышка испепеляющая все живое, на том же месте вырос гриб из пыли и раскаленных газов на фоне которого Степан успел различить цифры «2018»...

Степан, вдруг почувствовал, как будто взлетел из кресла, веса тела он уже не чувствовал, только в голове промелькнула мысль: — «Завтра же, нужно не забыть позвонить Вере и сказать, чтобы оттуда как можно быстрее уезжала!»...

Погрузившись в крепкий и сон, словно в младенчестве, он был абсолютно спокоен, только остался легкий налёт сопричастности к чему-то сакральному.

Спустя четыре месяца, здоровье Степана резко ухудшилось. При обследовании в клинике, врачи в составе коллегии специалистов ему пространственно объяснили, что причиной ухудшения здоровья, мог послужить психологический стресс и сам факт падения на бетон лестницы.

Степан, уже не держался за жизнь как ранее. Сама жизнь как таковая ему стала безразлична, он понял иллюзорность всего происходящего вокруг него. После этой поездки в нем что-то переломилось, противоречивые чувства переполняли его внутри, но при этом он оставался абсолютно спокойным.

Спустя ещё три месяца Степан умер.

Сын Михаил, похоронил отца. Продолжая работать в адвокатской коллегии, запросил из Израиля через знакомых адвокатов документы свидетельствующие о происшедшем. Через несколько месяцев, приложив заключение экспертизы, написал заявление в Генеральную прокуратуру РФ о возбуждении уголовного дела, «о покушении на здоровье и жизнь своего отца, с последующей потерей здоровья и жизни». Следующим его шагом, было включение членов семьи Декель, причастных к происшедшим событиям в списки Интерпола.

Таким образом, доказав, что герои в одной стране, в другой стране, на самом деле — преступники.